

Gaspard Kœnig

HUMUS

Editions de l'Observatoire, 2023

Гаспар Кёниг

ГУМУС

Перевод с французского
Оксаны Гилюк

Individuum, 2025

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
К35

*Published by arrangement with
Lester Literary Agency & Associates*

*Лауреат французской литературной
премии «Интералье», премии Transfuge
и Большой премии Жана Жиано,
финалист Гонкуровской премии.*

Кёниг, Гаспар.

К35 Гумус [роман] / Гаспар Кёниг [пер. с фр. Оксаны Гилюк]. — М.:
Individuum, Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-907696-93-8

Лучший роман о дождевых червях, который вы когда-либо читали. Два выпускника агрономической академии пытаются изменить мир, испорченный человеческим присутствием. Артур отправляется в Нормандию, чтобы восстановить участок земли, доставшийся ему по наследству. Кевин покоряет Париж и создает стартап по переработке отходов. В дождевых червях каждый видит что-то свое — то ли последний шанс спасти планету, то ли способ выбиться в люди и обогатиться. Книга французского писателя и философа Гаспара Кёнига — динамичный и едкий роман об утраченных иллюзиях и экологическом кризисе.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-4

© Editions de l'Observatoire / Humensis, 2023

© Gaspard Koenig, 2023

© Оксана Гилюк, перевод, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-907696-93-8

Individuum®

I

«Начнем с того, что дождевой (или земляной) червь — не самое приятное название; оно довольно оскорбительно. Лучше использовать более уважительный термин „люмбрицида“. Итак, семейство *Lumbricidae*, вид *Lombricus terrestris*. Их совокупная масса превышает — и намного! — суммарную зоомассу суши. Иначе говоря, если поместить на весы всех особей данного вида, они перевесят людей, слонов и муравьев вместе взятых. В одном гектаре земли насчитывается от одной до трех тонн люмбрицид, по крайней мере в тех почвах, куда человек еще не успел запустить свои грязные лапы».

Это короткое видео профессора Марселя Комба, циркулирующее в интернете, и сподвигло Артура посетить его лекцию. Но войдя в огромную, почти пустую, пахнущую ново-строенной аудиторию — стены из переработанной древесины призваны были создать атмосферу «природного уголка», но в действительности только подчеркивали стеклянностальную архитектуру соседних зданий — и окинув взглядом студентов, рассеявшихся по углам и не обращающих на него никакого внимания, Артур почувствовал себя неуютно. Совсем не так представлял он себе изучение агрономии.

Решение перенести корпуса АгроПариТех — института агрономии, агротехнологий и окружающей среды — в окрестности забетонированного и малообжитого плато Сакле до сих пор вызывало у него недоумение. Предыдущие выпускники имели возможность весь первый курс провести в замке Гриньон, среди полей и лесов площадью в триста гектаров. Несколько поколений студентов учились там доить овец и предаваться греху на лоне природы. Артуру же приходилось по двадцать раз на дню прикладывать карту доступа к пропускным терминалам и плутать в лабиринте безликих коридоров, где менялись только номера на дверях. За полгода обучения он видел так мало природы! Кругом раздавался лишь шум бульдозеров, грызущих землю. Комнаты в общежитии напоминали учебные классы, а те, в свою очередь, смахивали на раздевалки в спортзале. Конечно, в этом студенческом городке, где все под рукой, можно неплохо сэкономить время, но на кой черт? Чтобы без передышки горбатиться над «улучшением формулы», а вечерами врубать порно? И разве кому-то охота устраивать вечеринки в этой стерильной студенческой столовке или в этом аква-риумоподобном зале отдыха, торчащем в самом центре?

С первых же дней здесь Артур маялся, как в тюрьме. Когда-то один из самых плодородных районов Франции, плато Сакле превратилось в технопустыню, гигантский торговый центр, где на вывесках красовались названия самых престижных вузов: «Политехническая школа», «Школа телекоммуникаций», «Высшая нормальная школа»... Предполагалось, что тут будут собраны лучшие умы Франции — и студенты, и преподаватели. Но что происходит с человеком, который круглые сутки заперт в этом безнадежно геометрическом пространстве, вынужден наматывать километры по освещенным неоновыми огнями коридорам или бродить в лесу из строительных кранов? Он становится бездушным

роботом, готовым к созданию мира роботов, совокупляясь с другими роботами. Неужели это и есть цель, поставленная перед будущими выпускниками АгроПариТех? Необходимо только выучить нужные термины о возобновляемом сельском хозяйстве — и можно с чистой совестью уничтожить традиционное фермерство, штампуя агропромышленные холдинги на солнечных батареях?

Несколько флористических элементов, добавленных, вероятно, в припадке сожаления, представляли собой самую извращенную часть проекта по благоустройству университетского городка в Сакле. Сойдя с пригородного поезда (ветка «Б») и поднявшись по бесконечной лестнице, студенты неожиданно попадали в небольшой лес, затем — в заросли тростника, после чего оказывались перед мощными дорожками и подстриженными газонами. Тщательно спланированная канава на территории кампуса позволяла полюбоваться несколькими квадратными метрами живой природы. В воде плавали лютики, а на посыпанном галькой берегу там и сям виднелись пучки косматой травы и метелки камыша светло-табачного цвета. Идеальное место для прогулок в эпоху антропоцена.

Как бы то ни было, Артур поклялся себе, что это лишь временная ссылка. Получив диплом, который требует от него общество, он выйдет на свободу. И когда его спрашивали, чем он планирует заняться после учебы, он отвечал: «Возделывать свой сад». Это было туманно, но честно.

Все еще колеблясь, Артур замер у входа в аудиторию. Он, наверное, развернулся бы и ушел, если бы не заметил этого парня со светлыми кудрявыми волосами и отчетливо выступающими скулами. От него веяло здоровьем и спокойной уверенностью: серая футболка, обрисовывающая худощавую фигуру, ноутбук, предусмотрительно лежащий на выдвижном

столике, невозмутимое лицо, с которым тот ждал развития событий, не ерзая и не копаясь в телефоне. Он казался не таким, как все, отличался от своих суетливых товарищей. Артур подошел ближе и откинул сиденье соседнего кресла. Парень подвинул свой компьютер, освобождая место, и приветливо протянул Артуру руку — как старому знакомому. Такую непосредственность редко встретишь даже среди студентов. Особенно среди студентов!

— Привет! Я Кевин. С ударением на «и».

«Забавно, — подумал Артур, — он совсем не похож на Кевина, тем более на Кевина с ударением на „и“». Тотчас упрекнув себя за эту глупую мысль, он представился в ответ. Кевин молча улыбнулся. Оба открыли ноутбуки. Лекция вот-вот начнется. Тема: «Передовые тенденции и проблемы современной вермикологии». Вермикология — наука о дождевых червях. И не так уж много народу набралось на этот факультатив.

— Наверное, зря я пришел, — пробормотал Артур, внезапно почувствовав угрызения совести. — Мне завтра реферат сдавать.

— Да брось ты, — ответил Кевин. — Черви такие классные!

— Классные? Почему? Потому что их можно разрезать на две половинки, каждая из которых выживет?

— Нет, это глупости. Они погибнут.

— Тогда почему же они классные?

— Да хотя бы потому, что они — гермафродиты. Это не слишком распространено среди животных. Меня это с детства восхищало. Самец и самка одновременно!

— Ну, если на то пошло, улитки тоже гермафродиты, — протянул Артур, вставая, чтобы уйти.

Поздно! Марсель Комб, «ученый с мировым именем», как значилось в объявлении о лекции, явился перед публикой. Артур вернулся на место. В конце концов, почему бы и нет?

Профессор успел заинтриговать его. Артур представлял себе сутулого очкарика с нездоровым цветом лица. А увидел старого светского льва лет восьмидесяти, напоминающего скорее бывшего боксера — широкоплечего, с ясными глазами и пышной шевелюрой. Одет профессор был с иголки: элегантный темный костюм и галстук в горошек, скрепленный серебряной булавкой. У дождевых червей имелся свой Жан Габен!

Марсель Комб наслаждался произведенным эффектом. Окинув малочисленную публику недобрым взглядом, он задумчиво уставился на ультрасовременный тактильный экран, встроенный в столешницу преподавательской кафедры из цельной древесины.

— Ну и ну, да вы везунчики, — произнес он хрипловатым голосом.

По рядам прокатился шепот. Студенты элитных высших школ в глубине души любят, когда им напоминают об их привилегированном положении.

— Сколько же червей потребовалось уничтожить, чтобы построить этот ваш кампус?

Молчание. Артур вспомнил эпизод из фильма «Семь лет в Тибете», где буддийские монахи из Лхасы руками собирали дождевых червей, прежде чем залить фундамент. Западные архитекторы не отличались подобной щепетильностью. Краем глаза Артур наблюдал за реакцией Кевина: тот сидел прямо, пальцы приготовились застучать по клавиатуре при первом же достойном внимания факте.

— Давайте знакомиться. О своих дипломах скажу кратко: дальше аттестата об окончании школы я не пошел. Начинать садовником. Учился без отрыва от работы. Потом руководил научными проектами в сельхозе, который, если я правильно понимаю, собирается переехать сюда, в соседнее здание. Сотрудники получают очень хорошие лаборатории и станут

проводить еще меньше времени в поле. Таким образом, они беспрепятственно смогут продолжать нести ахиною.

Стоп, тут что-то не сходится. «Сельхоз», то есть НИИ сельского хозяйства, — это все-таки серьезная организация. Артур задумался: кто же такой профессор Комб — подлинный научный гений или обычный чокнутый конспиролог? Кевин продолжал пялиться в монитор, где на чистой странице мигал курсор.

«Как вы знаете, люмбрициды являются важнейшей частью почвенной биоты. За счет непрерывного пищеварения, позволяющего им ежедневно пропускать через себя эквивалент собственного веса, они расщепляют органические вещества, превращая их в легкоусвояемую и обогащенную биогенными элементами пищу для растений. Подсчитано, что ежегодно дождевые черви перерабатывают триста тонн органики на гектар. Да, вы не ослышались, триста тонн! Фактически земля, по которой мы ходим и которая дает нам пищу, в значительной степени состоит из копролитов, то есть какашек люмбрицид. Именно поэтому великий Чарльз Дарвин считал дождевых червей ключевыми участниками процесса эволюции. Без них все бы рухнуло».

— Ах, точно, Дарвин, — пробормотал Артур.

В памяти всплыли обрывки прочитанного жизнеописания.

— Это его последняя книга, — авторитетно объяснил Артур соседу. — Он много лет изучал дождевых червей в собственном саду.

Кевин кивнул.

«...двести семьдесят тонн с гектара в год!» — воскликнул профессор.

Артур потерял нить повествования. Машинально он записал число.

«Дарвин ограничился подсчетом сухой массы экскрементов, откладываемых люмбрицидами на поверхность земли. Я же — первый, кто вычислил общую массу копролитов, в том числе и под землей. Первый после Дарвина!»

Артур и Кевин обменялись насмешливыми взглядами.

«...так что, надеюсь, впредь вы будете более обходительны с дождевыми червями».

Профессор Комб сыпал цифрами, ссылками и красноречивыми формулами, вероятно, достаточными для того, чтобы вогнать в ступор толпу обывателей. Но его студенческая аудитория оставалась безучастной. Будущие агроинженеры давно привыкли выслушивать специалистов, рассказывающих о первостепенном значении их научной отрасли (и о царящей по отношению к ней несправедливости), а затем выдвигающих аргументы в пользу более щедрого финансирования.

Тогда Марсель Комб раскрыл свою козырную карту: размножение дождевых червей.

«Нравы люмбрицид чрезвычайно любопытны. В отличие от своих морских предков, черви, обитающие в земле, — гермафродиты. У каждой особи есть как женские, так и мужские половые органы (иногда напоминающие крошечный пенис)».

Кевин одарил Артура торжествующей улыбкой.

«Спаривание двух особей происходит в позе „шестьдесят девять“. Оно может длиться часами, что существенно меняет наши представления о том, что такое настоящий сексуальный подвиг».

Лишь пара сдавленных смешков. Шутки Марселя Комба явно не соответствовали уровню студентов АгроПариТех. Артур желал лишь одного — не закончить свои дни подобным образом. В роли старого ученого пошляка.

«Два партнера обмениваются спермой, не смешивая ее. Их женские репродуктивные органы тем временем формируют яйцеклетки, которые вместе с семенной жидкостью упаковываются в коконы. Те, в свою очередь, откладываются в землю, то есть за пределы родительского тела, где и происходит оплодотворение. Некоторое время спустя зародыши разовьются в маленьких червячков, которые подрастут и покинут свой кокон, как это делали миллиарды миллиардов люмбрицид на протяжении более двухсот миллионов лет, исправно исполняя свою благородную миссию по гумусообразованию, за что мы до сих пор так и не сказали им спасибо».

Концовка получилась милой. Но Марселю Комбу непременно нужно было все испортить:

«По сути, размножение дождевых червей — это однополый секс между мальчиками с последующим ЭКО между девочками».

Слушатели наконец-то проснулись.

— Да кем он себя возомнил, этот старый хрыч? — воскликнул Артур, поворачиваясь к Кевину, который смеялся от души.

Несколько студентов поднялись с мест в знак протеста. Они открыто заявили, что на подобные темы шутить не следует. Тем более в такой форме.

«Не подумайте, пожалуйста, что я осуждаю...» — неуклюже оправдывался профессор. Его обычными слушателями были пожилые фермеры, которые с удовольствием внимали его «неполиткорректным», как он сам с гордостью выражался, выпадам.

Никто и не предполагал, что лекция о дождевых червях вызовет такую бурную реакцию. Но поскольку студенты АгроПариТех хорошо воспитаны, многие из них ограничились лишь яростными сторис в соцсетях. Некоторые

покинули аудиторию, пригрозив Марселью Комбу жестокой расправой. Артур подумывал последовать за ними. Однако взглянув на Кевина, невозмутимо ожидавшего дальнейшего развития событий, изменил свое намерение.

— Тебя это не шокирует? — на всякий случай поинтересовался он у соседа.

— Нет, скорее забавляет.

Профессор смущенно провел рукой по седой голове. Морщинистые руки с пигментными пятнами выдают возраст тех, кто выглядит моложе своих лет. Следы старости, незаметные в других местах, проступают на руках. Провалившийся спектакль Жана Габена никого не порадовал.

Марсель Комб вздохнул. «Сейчас я поделюсь с вами результатами моих исследований последних пятидесяти лет», — продолжил он, цепляясь за то, что еще могло обеспечить ему почетное место в этом мире, который он давно перестал понимать. Полсотни лет он провел в полях и лабораториях, ощупывая, наблюдая, измеряя и препарируя дождевых червей. Полсотни лет публиковал научные статьи, которые читала лишь горстка малоизвестных вермикологов. Полсотни лет терпел насмешки и испытывал смущение всякий раз, когда кто-то спрашивал его, кем он работает.

Артур пришел в восторг от этой речи, произнесенной с холодной строгостью и подкрепленной цифрами и схемами. Ему открылась целая подземная вселенная. Бескрайние пространства, завораживающие философов, оказывается, находятся не в небесной выси, а у нас под ногами. Дождевые черви превращают землю в лабиринт переходов, тоннелей, лазеек и тайников. Под каждым квадратным метром земли скрывается пять метров галерей — целая система, по своей сложности превосходящая ту, что была найдена под пирамидами в Гизе. Именно благодаря этой созданной дождевыми червями инфраструктуре из недр земли поднимаются

необходимые для жизни питательные вещества, а почва лучше впитывает и задерживает влагу. Иначе плодородный слой, из которого растения получают питание и воду, разрушается.

Дождевые черви — это незрячие фараоны. Сами себе хозяева, они живут неторопливо и подчиняются лишь собственным биоритмам. Спасаясь от губительного ультрафиолета, они задумчиво перемещаются по своему родному подземелью, сжимаясь и растягиваясь, словно меха гармоники. Им не грозит удушье, ведь они дышат всей поверхностью тела. Дабы ни в чем не испытывать недостатка, они складывают собственные экскременты и повторно перерабатывают их после ферментации. Зимой дождевые черви уходят в глубокие слои почвы и впадают в спячку, а в летнюю засуху прячутся в специально вырытых прохладных камерах, сплетаясь в общий клубок с товарищами. Прожив несколько лет, они умирают и предстают перед Осирисом, взвешивающим сердца. Тут они получают главный приз, ведь сердце у них пять.

Конечно, люмбрициды бывают разные. Всего их насчитывается более пяти тысяч видов. Профессор Комб досконально изучил их. Он скрупулезно реконструировал их палеобиогеографическую судьбу — в полном соответствии с движением литосферных плит. Он побывал во всех уголках мира, чтобы потрогать их. Он провел бесчисленное множество экспериментов. Кевин стучал по клавиатуре, не поднимая головы. Артуру же особенно понравилось то научное смирение, которое проглядывало сквозь напускную браваду старого ученого. Марсель Комб не уставал повторять, что вермикология и в целом почвоведение находятся в зачаточном состоянии.

«На сегодняшний день никто не может детально описать протекающие в почве процессы. Поместив горсть земли

под микроскоп, можно увидеть невероятно многообразные формы жизни. Ни один миллиграмм земли не похож на другие. Бактерии, дрожжи, разлагающиеся органические вещества, минеральные частицы — словом, миллионы самых разных компонентов, многие из которых до сих абсолютно не изучены. Тем не менее эта штука работает! Почва непрерывно поглощает кислород и выделяет углекислый газ. Но каким образом? Благодаря какому такому биофизико-химическому чуду? Никто толком не знает».

Марсель Комб показался Артуру настоящим ученым, обладающим пронизательным умом и скромностью. Не чета нынешним полуграмотным всезнайкам, каждый из которых претендует на роль спасителя мира. Очевидно, регулярные занятия вермикологией — наукой, игнорируемой широкой публикой и презираемой другими исследователями, — развивают смирение.

После весьма узкоспециальной лекции, длящейся более полутора часов, студенты АгроПариТех забыли о неосторожной шутке профессора. Но их внимание заметно ослабло. Оглядевшись по сторонам, Артур заметил, что большинство компьютеров открыто на страницах социальных сетей. Сам он принялся просматривать электронную почту.

Вновь оживить атмосферу сумела пространная заключительная речь Марселя Комба, в которой он со свойственными старому актеру театральными интонациями поведал о текущей экологической катастрофе. Глубокая вспашка и применение пестицидов привели к сокращению популяции дождевых червей, масса которых отныне не превышает нескольких десятков килограммов на гектар посевной площади. В результате плодородная когда-то земля твердеет и высыхает, превращаясь в безжизненный гигантский полигон, куда безостановочно сбрасываются удобрения, позволяющие получить безвкусную продукцию товарного вида.

За эрозией почвы и загрязнением грунтовых вод последует стремительная деградация всей экосистемы. Цитируя профессора Комба: «технонаука отвернулась от науки»; агропромышленный продуктивизм* погубил естественное плодородие почв, и за несколько десятилетий человеку удалось разрушить хрупкое равновесие, созданное в течение миллионов лет. «Без дождевых червей, — подытожил Марсель Комб, — нет земли». Недаром астрофизик Хьюберт Ривз утверждал, что исчезновение дождевого червя заслуживает не меньшего беспокойства, чем таяние ледников. Артур почувствовал себя подавленным. Вся эта информация лишь усиливала свойственную ему экотревожность.

И все же, по мнению Марселя Комба, который не любил разочаровывать публику, дождевой червь может стать главным союзником человека. Прежде всего, люмбрицид можно заново заселить в почву методом инокуляции, еще сто лет назад предложенным новозеландским фермером Эшмором. Более того, их можно разводить в домашних условиях. Тут профессор Комб принялся расхваливать вермикомпостирование, то есть переработку органических отходов с участием дождевых червей. «Вермикомпостер представляет собой замкнутую экосистему в вашем доме. Вы кормите червей пищевыми отходами, картофельными очистками или даже бумагой, а на выходе получаете вермикомпост (то есть биогумус), органоминеральный материал без запаха, готовый к использованию для удобрения растений — как комнатных, так и садовых. Сегодня выпускают очень элегантные компактные вермикомпостеры, которые можно поставить на кухне. Они состоят из нескольких вложенных

* Экономическая концепция, обосновывающая необходимость постоянного увеличения производства. — Здесь и далее прим. переводчика.

друг в друга ящиков. В верхний вы помещаете отходы, а снизу извлекаете биогумус в твердом или жидком виде».

— Представь себе такую штуку в нашей общаге, — прошептал Артур.

— И какой-нибудь debil стопудово разворотит ее ко всем чертям, — подхватил Кевин. — Тысячи розовых червячков расползутся повсюду, завхоз будет в восторге.

Артур невольно рассмеялся, заслужив укоризненный взгляд Марсея Комба.

«Вам будет не до смеха, — заявил профессор, — когда вы откроете для себя промышленный потенциал вермикомпостирования».

Это был звездный час. Звездный час Марсея Комба и его дождевых червей, избавляющих от гибели эту грешную землю.

«Мы можем построить настоящие вермизаводы, где помещенные в гигантские боксы люмбрициды будут работать для всеобщего блага. Вермикомпостирование, вермифилтрация, вермисортировка мусора — благодаря дождевым червям возможно все. Я проводил эксперименты. Их результаты очевидны. Для решения большинства наших проблем, будь то удобрение почвы, переработка городского мусора, утилизация навоза, очистка бытовых и промышленных сточных вод, нам необходимо потратить в тысячу, в миллион раз меньшую сумму, чем те, которые расходуются сегодня на создание всякой цифровой чепухи. Мне жаль лишь одного: я не увижу этого при жизни. Но я успею помочь червям, которые помогут вам!»

Артур услышал несколько смешков. Марсель Комб выпрямился и отрешенно смотрел вдаль, поверх голов студентов, занятых почесыванием носов, лайками, свайпами и перепостами. В полном одиночестве стоял он на своей сцене.

Он понимал, что никто не верит ему и что его слова звучат слишком хорошо, чтобы быть правдой.

«Что такое человек? — воскликнул профессор, которого уже ничто не могло остановить. — Латинское слово *Ното* этимологически родственно слову *humus*. Поэтому именно гумус спасет нас, хомо сапиенсов!»

Последняя фраза удостоилась жидких аплодисментов скушающей публики. Артур энергично захлопал. Кевин тоже. Их рукоплескания, возможно, немного утешили патриарха вермикологии.

«На вопросы не отвечаю», — надменно сообщил Марсель Комб, собирая бумаги.

*

Покидая аудиторию, Артур и Кевин разговорились. Оба горели энтузиазмом, и каждый заражал им другого. Если бы не их случайное знакомство, конференция профессора Комба, вероятно, растворилась бы в потоке ежедневных лекций. Но дождевые черви положили начало настоящей дружбе.

Отныне долгие вечера в кампусе Сакле посвящались изучению дождевых червей. Были просмотрены немногочисленные профильные блоги, прочитаны труды Марсея Комба, проштудированы всевозможные специализированные издания. Информации оказалось негусто. Артур провел дополнительное историко-литературное исследование, но тут и поживиться было практически нечем. Кроме мудрой Клеопатры, прекрасно понимавшей значение дождевых червей для плодородной долины Нила и объявившей их священными, прочие властители мира предпочитали им орлов, львов, пчел или саламандр. Писателей и прочих книжных червей их дождевые коллеги интересовали еще меньше. Виктор Гюго, посвятивший целое произведение страданиям

«червяка, в звезду влюбленного»*, едва ли создал лестный литературный образ. Его герой, лакей, сравнивал себя с червем, а свою возлюбленную, королеву Испании, — со звездой. Нужно быть поистине романтиком, чтобы предпочесть далекое и неодушевленное светило источнику жизни.

Артур и Кевин испытывали редкое чувство, будто они стоят на пороге открытия крайне мало изученного мира. Быстро став единомышленниками, поддерживающими научный пыл друг друга, они торжественно поклялись никогда не оставлять дождевых червей и посвятить им всю свою профессиональную деятельность.

По вечерам у них вошло в привычку вместе сбегать с унылых посиделок в Доме агроинженеров и пить пиво на террасе, устроенной на крыше главного здания. Миновав скудные урбанистические огороды и прислонившись к парапету, они созерцали остатки леса, примыкающие к старому бенедиктинскому аббатству, чудом уцелевшему в ходе застройки департамента Эсон. Темную массу деревьев пересекала эстакада будущего метро; вдали виднелось зыбкое марево городских огней. Обреченная на смерть природа располагала к философствованию. Однако Кевин и Артур не стремились изменить мир, как хотели того предыдущие поколения. Они лишь наблюдали за его разрушением и пытались найти свое место в надвигающейся катастрофе.

Артур разглагольствовал о вреде богатства с фальшивым отчаянием двадцатилетнего юнца, которому нравится ни во что не верить, поскольку пока еще он верит в себя. Единственный ребенок в семье, привыкший к внутренним монологам, он наконец-то обрел слушателя. Окутанный ночной тьмой, с лицом, освещенным встроенными в пол

* Цитата из драмы Виктора Гюго «Рюи Блаз», пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник.

спотами, Артур критиковал непрерывный рост производства, осуждал бесконечное приумножение потребностей и выступал за умеренность во всем. Описывая современную действительность, он обращался к данным Жан-Марка Янковичи — инженера-эколога, также известного под прозвищем Янко и боготворимого серьезно настроенной молодежью, пытающейся осознать масштабы бедствия, завещанного ей родителями. Воображая будущее, Артур ссылался на Эпиктета, Руссо и Элизе Реклю*. Он не был педантом: классические авторы были частью его повседневной жизни; он цитировал их, как цитируют слова пьяного друга, не зная, стоит ли принимать их всерьез.

Артур также зачитывался книгами Генри Дэвида Торо**. Несколько лет тот прожил отшельником на берегу Уолденского пруда в штате Массачусетс, доведя аскезу до своего логического завершения. Торо тратил время на то, чтобы избавляться от вещей, а не накапливать их, не употреблял стимуляторов (в том числе и кофе, который портил ему утро) и даже отказался от подаренного ему коврика (земля ведь не грязная!). В его доме было три стула — один для одиночества, второй для дружбы, третий для общества. Трудясь на своем крошечном огороде, он, сам того не ведая, открыл технику прямого посева без предварительной вспашки. Кто такой Торо — либертарианец или анархист, поэт или философ, — Артуру было фиолетово. Торо олицетворял для него идеал свободного человека.

От отца-юриста Артур унаследовал ораторские способности, умение отвечать на риторические вопросы, а также некоторое недоверие к политике, заставляющее его

* Французский мыслитель XIX века, анархист, автор многотомного произведения «Земля и люди».

** Американский мыслитель XIX века, известный книгой «Уолден, или Жизнь в лесу» и эссе «Гражданское неповиновение».